

Сергей Лукьяненко

Кровавая оргия в марсианском аду

*Часть сборника
Гаджет (сборник)*

Сергей Лукьяненко

Кровавая оргия в марсианском аду

«АСТ»

2004

Лукьяненко С. В.

Кровавая оргия в марсианском аду / С. В. Лукьяненко — «АСТ»,
2004

«Поздним вечером, когда маленькое холодное Солнце клонилось за край горизонта, над бурой марсианской равниной пронеслось сверкающее металлическое яйцо. Человек сведущий опознал бы в нем малую посадочную капсулу, сброшенную с пролетающего мимо межпланетного корабля. Человек знающий сказал бы, что это военная модификация, к тому же изрядно потрепанная и побывавшая не в одном бою...»

© Лукьяненко С. В., 2004

© АСТ, 2004

Сергей Лукьяненко

Кровавая оргия в марсианском аду

Поздним вечером, когда маленькое холодное Солнце клонилось за край горизонта, над бурой марсианской равниной пронеслось сверкающее металлическое яйцо. Человек сведущий опознал бы в нем малую посадочную капсулу, сброшенную с пролетающего мимо межпланетного корабля. Человек знающий сказал бы, что это военная модификация, к тому же изрядно потрепанная и побывавшая не в одном бою.

Все более и более снижаясь, подымая вихри нежно-розовой пыли, капсула неслась вслед за убегающим Солнцем – пока впереди не возникли пирамиды Сидонии. Окутанная пламенем тормозных двигателей капсула стремительно пошла на посадку. Коснулись выщербленных известковых плит решетчатые опоры, внушительно ухнули, гася инерцию, гидравлические амортизаторы. Слегка раскачиваясь, капсула замерла на холодном марсианском ветру.

Несколько минут все было тихо. Затем раздался скрип отвинчиваемого люка. Тяжелая бронированная крышка откинулась, и на металлическом порожке появилась любопытная уса-тая мордочка. Крупная белая крыса с любопытством принялась, недовольно поморщилась, чихнула и села умываться.

– Как думаешь, Мстислав, воздух пригоден для дыхания? – раздался веселый молодой голос. Рядом с крысой появилось два крепких ботинка с заправленными в них металлизированными обмотками военной униформы. Ноги оканчивались крепким туловищем с двумя руками, туловище же в свою очередь служило основанием для коротко стриженной головы. Голова, как и положено, сверху оканчивалась русыми волосами, а спереди – лицом: простодушным, грубоватым, бесхитростным, с умными живыми глазами, крупными ушами и курносый носом. Глаза были карие, прическа – ежик, а лицо тщательно, пускай и небрежно, выбрито.

Крыса, разумеется, не ответила веселому молодому человеку – она была простой крысой и не умела говорить.

Подхватив крысу под брюшко, молодой человек посадил ее на широкое плечо и, не озабочиваясь спуском лестницы, прыгнул с трехметровой высоты. Поступок его показался бы опрометчивым только человеку, никогда не бывавшему на Марсе и не знающему о его низкой гравитации.

– Какая отвратительная атмосфера, Мстислав! – воскликнул человек, оказавшись на поверхности. – И ведь это первая терраформированная планета! Ну ничего, и не в таких передрягах бывали, верно?

Похлопав по тяжелой кобуре, человек порылся в карманах широких крепких штанов. Достал пачку «Явы», закурил с тем удовольствием, что выдавало в нем человека законопослушного, никогда не курящего в космических кораблях. Огонек разгорелся неохотно – кислорода было все-таки мало.

Крыс недовольно чихнул.

– Знаю, знаю, – пробормотал человек. – Курить – вредно. Ну, раз никто нас не встречает, пойдем сами. Мы не гордые, верно, Мстислав?

Зорко прищурившись, мужчина двинулся к огромному, не меньше пяти километров в диаметре куполу, располагавшемуся в паре километров от посадочной площадки. Голубоватый пластик купола выдавал в нем одно из первых человеческих поселений, едва ли не двухсотлетней давности. На самом деле бывший марсианский город Сидония и впрямь был первым человеческим поселением внеземелья – конечно, если не брать в расчет Лунный Пекин и околоземные орбитальные городишки.

Шел человек бодро, временами переходя на прыжковый бег – пусть и не такой впечатляющий, как на Луне, но все-таки весьма быстрый. Уже через десять минут он остановился

у шлюзовой камеры купола. Видимо, обитателям купола тоже не слишком-то нравилась марсианская атмосфера.

Загасив окурок и тщательно втоптав его в красноватый песок, молодой человек запустил механизмы шлюза. Через минуту, с гораздо более довольным выражением лица, он вошел под купол. Положив руки на пояс, он с видом полновластного хозяина огляделся.

Шлюз располагался на небольшом холме. Пространство под куполом представляло собой зеленую холмистую равнину, поросшую клевером, одуванчиками, можжевельником и коноплей.

– Красиво! – сказал молодой человек. – Ха!

Кое-где холмы поросли деревьями – в основном культурных пород. Как ни странно, но под куполом почти не оказалось жилых коттеджей. Вместо них в ландшафт были аккуратно вписаны многоэтажные каменные строения, между которыми вились дорожки, выложенные желтым кирпичом. Строения не светились и казались заброшенными. Единственный обитаемый дом стоял поблизости от шлюза – трехэтажное деревянное здание, чьи окна светились теплым электрическим светом.

К нему и направился молодой человек.

Дверь оказалась открыта, что вызвало у молодого человека живейшее оживление и привело его в веселое расположение духа. По скрипучей лестнице он уверенно двинулся на второй этаж, откуда доносились человеческие голоса, нарочито громко топая ногами.

Похоже, звуки его приближения не вызвали никакого любопытства. Во всяком случае, разговоры стихли только тогда, когда молодой человек вошел в большой, ярко освещенный зал. За круглым обеденным столом сидели с десяток человек – и появление незнакомца вызвало у них самую бурную реакцию. Кое-кто вскочил, кое-кто вскрикнул, а один даже полез в карман, вынудив молодого человека строго погрозить ему пальцем.

– Но-но! – воскликнул молодой человек. – Не надо волнения, граждане! Я уполномоченный представитель Новой Демократии, сержант запаса Иван Перелетный.

Интеллигентного вида мужчина все-таки запустил руку в карман, под бдительным взглядом молодого человека достал футляр, открыл, извлек из футляра очки и водрузил их на нос.

– Ну что за поведение! – воскликнул Иван Перелетный, убирая руку с кобуры. – Ваше счастье, гражданин, что я хоть на фронтах и контуженный, но от природы выдержанный. А если бы кто нервный к вам приехал? Получили бы вы, товарищ интеллигент, плазменное ранение, совершенно несовместимое с процессами жизнедеятельности. Прямо как дети малые... чуть что – сразу руки в карманы прячете.

Укоризненные слова сержанта Перелетного никакого действия не возымели. Гордо посверкивая очками, интеллигент вышел вперед и сказал:

– Хочу вам заметить, господин уполномоченный, что город-музей Сидония является независимой республикой. И мы здесь... не привыкли к вашим военным порядкам. Я – мэр Сидонии Александр Сохатый.

– Профессор Сохатый? – воскликнул Иван. – Вот те здрасте, никогда не думал, что доведется... Здравствуйте, профессор! – В несколько шагов он оказался рядом с профессором, энергично пожал ему руку и с искренним уважением сказал: – Читал, много вас читал! «Архитектурные памятники внеземелья», издание второе, исправленное, «Артефакты Чужих» в трех томах, «Основы современного музейного дела»... Замечательно пишете, гражданин профессор!

Александр, явно растерявшись, всматривался в лицо Ивана. Неуверенно спросил:

– Вы... обучались на музейно-архивном факультете? На Земле? На Веге-17?

Молодой человек рассмеялся:

– Что вы, гражданин профессор! Мы университетов не кончали. В прошлом году, при битве у Арктура, разбили в неравном бою наш торпедоносец «Неуверенный», один я в живых

и остался из экипажа. Четыре месяца дрейфовал, пока обломки мусорщики не подобрали. Одну каюту мне удалось герметизировать, в ней и сидел, ждал спасения. Кислорода запас – на триста с лишком лет, еды – от пуза, воды – хоть утопии! А читать нечего, имперец нам вначале всю электронику лучом пожег, а уж потом ракетой ударил. Все, что нашел, – ваши книжки у солдатака одного в багаже. Он с Веги был, да... наверное, студент. Не выжил, жалко. Я вначале-то на стенку лез, ничего в книжках понять не мог. Потом освоился. А все-таки попроще было бы, останься нас двое!

– Э... сочувствую... – смущенно сказал профессор. – Война – это ужасно... мы все здесь – убежденные противники войны, пацифисты.

– Пацифисты, знаю, – махнул рукой Иван. – Ну ничего, мы в армии ко всему привыкли. И пацифистов у нас, почитай, половина экипажа было – служили как миленькие, некоторые даже подвиги совершали! Кстати, вы бы хоть мандат мой проверили как положено...

Запустив руку за пазуху, он извлек лист пластика и протянул профессору.

– Податель сего, сержант запаса Иван Перелетный, – вслух прочитал профессор, – назначается Реввоенсоветом Новой Демократии особым комендантом независимой республики, города-музея Сидония, планета Марс, Солнечная система. Просим всех граждан Новой Демократии и сочувствующих оказывать сержанту запаса Ивану Перелетному всяческое содействие и выполнять любые его приказания...

– Я сам к вам попросился, – с улыбкой сказал Иван. – Иначе ведь как? Послали бы к вам солдафона какого, без понятия о важности музейно-архивного дела. И вам тяжело, и человеку волнение лишнее. А я все равно к военно-строевой службе нынче непригоден по причине тяжелой контузии, но без дела на Земле отсиживаться тоже не желаю... Вы подпись, подпись-то прочитайте!

– Председатель Реввоенсовета гражданин Озеров, – растерянно прочитал профессор. – В скобках – Мунин...

– Вот так! – радостно подтвердил Иван. – Видите теперь, какое уважение к музейному делу у Новой Демократии? Сам гражданин Мунин мандат подписал! И беседу личную я с ним имел. – Иван выдержал короткую паузу, лицо его посуровело. – Впрочем, об этом – позже. Сами понимаете, время сейчас трудное. Тираническая Империя Волокяна разбита, но не все еще спокойно в галактике. Среди несознательных рас Приграничья поднимают голову сепе... сепе... сепаратисты. Отдельные аристократические недобитки мутят воду и обманывают народ. Мятежи, восстания, голод, эпидемии – все это свалилось на молодую демократическую власть! Чужие точат зубы на наши бескрайние территории, наши яркие звезды и теплые влажные планеты. И при всем при том – гражданин Мунин высоко ценит ваш труд и обещает всяческое содействие от лица новой власти!

– Мы – независимая республика... – пробормотал профессор.

– Правильно! – согласился Иван. – Так ведь и в мандате сказано: «Назначается комендантом независимой республики»! – Он еще раз широко улыбнулся, сглаживая неловкость профессора, и продолжил: – А теперь, товарищи работники музея, давайте знакомится! Вот это, на моем плече – Мстислав. Мой ручной крыс. Мы с ним вдвоем на «Неуверенном» дрейфовали, он, можно так сказать, тоже у нас служил – в медотсеке, по лабораторной части. Я его своей волей как командир корабля в отставку отправил.

Нет, совершенно невозможно было устоять перед его простой, широкой, заразной улыбкой! Заулыбались и музейные работники. А Иван пошел вокруг стола, протягивая каждому широченную ладонь и знакомясь.

– Анна Тихо, врач и биолог, – представилась высокая хрупкая девушка, чье сложение выдавало в ней коренную селенитку.

– Иван Перелетный, комендант, – с живейшим интересом разглядывая юную девушку, произнес Иван. – Очень приятно, честное слово.

- Петер Мязтэ, старший хранитель. – Лысенький старичок низко поклонился.
- Иван Перелетный, комендант. Вы эти штучки оставьте, оставьте, у нас теперь Демократия, – добродушно ответил молодой человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.